

Сказка о заколдованном дереве

Давненько уж это было — тысячи две лет тому назад. Жил да был на свете богатый человек, и жена у него была красивая и богобоязненная, и любили они друг друга сердечно, а детей у них не было. Очень им хотелось иметь детей; и жена молилась об этом и день, и ночь, а детей все же не было и не было...

Перед домом их был двор; среди того двора росло ветвистое дерево, и под тем деревом однажды зимою стояла жена и срезала ножом кожуру с яблока. Срезала да и порезала себе ножом пальчик, так что кровь закапала на снег. «Ах! — сказала жена и глубоко вздохнула, и, взглянув на капли крови, проговорила с грустью: — Вот если бы у меня было такое дитяtko: как кровь румяное да как снег белое!»

И как только она это выговорила, у ней вдруг так полегчало на душе, как будто ее желанию суждено было действительно сбыться, и она пошла домой совсем утешенная.

Прошло с той поры около года. Жена все недомогала и, жалуясь на свое здоровье, не раз говаривала мужу: «Если я умру, похорони меня под тем деревом, что растет у нас среди двора».

В конце года она родила сына, белого как снег и румяного как кровь, и когда она его увидела, то обрадовалась так, что с радости и умерла. Муж похоронил жену по ее желанию под тем деревом, что росло среди двора, и очень ее оплакивал; немного спустя он стал уже меньше по ней плакать, а там и совсем перестал; а еще сколько-то времени спустя взял себе в дом другую жену.

От второй жены родилась дочка, а от первой жены остался хорошенький сыночек, румяный как кровь и белый как снег.

Когда мачеха смотрела на свою дочку, она казалась ей милым дитяtkom, а как взглянет, бывало, на своего хорошенького пасынка, у ней так и кольнет в сердце — тотчас придет ей в голову, что он ей поперек дороги стал, и кабы не он, все богатство отца досталось бы ее дочери.

И стала она на своего хорошенького пасынка злиться, и стала его толкать из угла в угол: и тут щипнет, и там щипнет, так что бедное дитя жило в постоянном страхе. И когда он возвращался домой из школы, у него не было ни одной минуты покоя.

Однажды мачеха пошла в свою светелку, и ее хорошенькая дочка пришла к ней и сказала: «Матушка, дай мне яблочко». — «Изволь, дитятко», — сказала ей мать и дала ей чудесное яблоко из сундука своего; а у сундука-то крышка была тяжелая-претяжелая, и замок у ней большой, железный, с острыми зубцами. «Матушка, — сказала хорошенькая девочка, — ты и братцу тоже дашь яблочко?» Это раздосадовало ее мать, однако же она сдержалась и сказала: «И ему дам, когда он придет из школы».

И как раз в это время увидела из окошка, что пасынок возвращается домой; тут ее словно бес под руку толкнул, она отняла у дочки яблоко и сказала: «И тебе прежде брата не дам». Швырнула яблоко в сундук и закрыла его крышкой.

Когда пасынок вошел в дверь, нечистый наставил ее ласково сказать ему: «Сыночек! Не хочешь ли ты получить от меня яблоко?» А сама посмотрела на него искоса. «Матушка, — сказал мальчик, — что ты это так на меня смотришь? Хорошо, дай мне яблочко!» — «Пойдем со мной, — сказала она и открыла крышку сундука. — Вот, выбирай любое».

И когда мальчик нагнулся над сундуком, бес и толкни ее под руку — р-раз! — она захлопнула крышку с такою силою, что голова мальчика отскочила от туловища и упала среди румяных яблок. Тут она перепугалась и стала думать: «Как бы мне это с себя свалить?» И вот зашла она в свою комнату, вынула из ящика белый платок, опять приставила голову к туловищу, обвязала мертвому пасынку шею так, что ничего не было заметно, и посадила его на стул перед дверьми, а в руку дала ему яблоко.

Немного спустя пришла дочь к матери в кухню и увидела, что мать стоит перед огнем, а перед нею лохань с горячей водой, в которой она что-то полощет. «Матушка, — сказала дочка, — братец сидит перед дверьми бледный-пребледный и держит в руке яблоко; я было попросила его, чтобы он мне яблочко дал, но он мне ничего не ответил, и мне стало страшно». — «А ты ступай к нему еще раз, — сказала мать, — и если он тебе ничего не ответит, дай ему по уху». Дочка и точно пошла и сказала: «Братец, дай мне яблочко». Но он ничего не ответил ей. Тогда она ударила его по уху, и голова его свалилась с плеч.

Девочка страшно перепугалась и начала плакать и кричать, и побежала к матери своей. «Ах, матушка, я сбила голову моему братцу!» — и плакала, и плакала, и не могла утешиться. «Доченька, — сказала мать, — что ты наделала? Но теперь-то уж замолчи, чтобы никто этого не знал; ведь теперь уж этого не воротишь! Давай разварим его в студень».

И взяла мачеха своего мертвого пасынка, разрубилла его на куски, положила его в лохань и разварила в студень. А дочь ее при этом стояла и плакала, и плакала, и все слезы ее падали в лохань, так что даже и соли в студень не понадобилось класть.

Вот вернулся отец домой, сел за стол и сказал: «А где же мой сын?» А мать принесла на стол большущее блюдо студня, между тем как дочка ее все плакала и плакала, и никак не могла удержаться от слез.

Отец между тем спросил еще раз: «Да где же мой сын?» Мачеха отвечала: «Он ушел в гости к своему деду; там хотел он некоторое время остаться». — «Да что ему там делать? Ушел, даже и не простился со мной?» — «О, ему очень хотелось туда пойти, и он у меня просил позволения остаться там эту неделю: его ведь все там ласкают». — «А все же, — сказал отец, — мне очень жаль, что он не простился со мною».

С этими словами он принялся за еду и сказал дочке: «Что ты плачешь? Ведь братец-то твой вернется же! — потом, обратясь к жене, добавил: — Жена! Какое ты мне подала вкусное блюдо! Подбавь-ка мне еще!» И чем более он ел, тем более хотелось ему еще и еще, и он все приговаривал: «Подкладывай больше, пусть ничего на блюде не останется!» И все-то ел, ел, а косточки все под стол метал — и, наконец, съел всё дочи́ста.

А дочка его достала из комода свой лучший шелковый платочек, сложила в него из-под стола все косточки и хрящики и понесла вон из дома, обливаясь горькими слезами.

Выйдя на середину двора, она положила косточки в платочек под дерево, что там росло, на зеленую травочку, и у ней стало легко на сердце, и слезы ее иссякли.

И увидела она, что дерево вдруг зашевелилось — ветви его стали расходиться и сходиться, словно руки у человека, когда он от радости начинает размахивать руками и хлопать в ладоши.

Затем от дерева отделился как бы легкий туман, а среди тумана блистал и огонь, и из этого-то огня вылетела чудная птица и запела чудную песенку, и высоко-высоко поднялась в воздух.

Когда же она совсем исчезла из виду, тогда и ветви на дереве перестали двигаться, и платок с косточками, что лежал под деревом, пропал бесследно.

А у сестрицы на душе стало так легко и приятно, как если бы братец ее был еще в живых. И она вернулась домой веселая, села за стол и стала есть.

Птица полетела и села на дом золотых дел мастера, и стала петь свою песенку:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Мастер сидел в своей мастерской и делал золотую цепь, когда услышал птичку, которая пела на крыше дома, и песенка показалась ему очень привлекательной.

Он поднялся со своего места, и когда сошел сверху вниз, то потерял одну туфлю. Так он и на середину улицы вышел в одной туфле и в одном носке, опоясанный фартуком, с золотой цепью в одной руке, с клещами в другой...

А солнце-то так и светило на улице! Вот он и стал как вкопанный, и давай смотреть на птичку. «Птичка, — сказал он, — как ты славно поешь! Спой-ка мне еще раз свою песенку!» — «Нет, — сказала птичка, — я дважды даром петь не стану. Дай мне эту золотую цепочку, тогда я тебе и еще раз спою мою песенку». — «Вот, на тебе золотую цепь; только спой мне еще раз».

Тогда подлетела птичка, взяла золотую цепь в правую лапку, села против мастера и запела:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Оттуда полетела птичка к башмачнику, присела к нему на крышу и запела:

Меня мачеха убила;

Мой отец меня же съел.

Моя милая сестричка

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала

И под деревцем сложила.

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Башмачник услышал песенку, выбежал из дому в одном жилете и стал смотреть на крышу, прикрывая ладонью глаза от солнца. «Птичка, — сказал он, — да как же ты славно поешь! — И жену башмачник вызвал из дома: — Поди-ка сюда, глянь-ка на птичку! Вот так птичка, как отлично распевает!» Потом позвал он и дочь свою, и детей, и подмастерьев, и работников, и служанку, и все вышли на улицу и смотрели на птицу, и любовались ею.

А птичка была и точно красивая: перышки на ней красные и зеленые, а около шейки — словно чистое золото, а глазки у ней блистали как звездочки.

«Птичка, — сказал башмачник, — спой ты мне свою песенку еще раз». — «Нет, — сказала птичка, — дважды я не пою даром. Подари мне что-нибудь». — «Жена, — приказал башмачник, — ступай ко мне в мастерскую; там стоит у меня пара совсем готовых красных башмаков, принеси их мне сюда».

Жена пошла и принесла башмаки. «Вот тебе, птичка! — сказал башмачник. — Ну, а теперь спой мне свою песенку».

Птичка слетела, взяла у него башмаки в левую лапку, потом опять взлетела на крышу и запела:

Меня мачеха убила,

Мой отец меня же съел.

Моя милая сестричка

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала

И под деревцем сложила.

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

А пропевши песенку, птичка полетела: цепочку держала она в когтях правой лапки, а башмаки — в когтях левой лапки, и прилетела она прямо на мельницу, которая работала на полном ходу и постукивала так: плики-пляки, плики-пляки, плики-пляки.

Да на мельнице же сидело человек двадцать рабочих, которые обтесывали жерновой камень и выбивали молотками: тик-так, тик-так, тик-так — и мельница вторила их работе своим постукиванием.

Птичка опустилась на липу, которая росла у самой мельницы, и запела:

Меня мачеха убила...

Один рабочий перестал работать.

Мой отец меня же съел.

Еще двое от работы отстали и прислушались...

Моя милая сестричка...

Еще четверо бросили работу...

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала...

Уж только восьмеро остались при деле.

И под деревцем...

Уж только шестеро осталось...

... сложила...

Только один продолжал работу...

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Тут уж и последний отстал и тоже стал слушать. «Птичка, — сказал он, — как ты славно поешь! Дай и мне тоже послушать, спой еще раз!» — «Нет, — отвечала птица, — дважды не стану петь даром; дай мне жернов, так я еще раз тебе спою». — «Да, — сказал он, — если бы жернов мне одному принадлежал, ты бы его получила». — «Да, — сказали другие, — если она нам еще раз споет, то мы отдадим ей жернов».

Тогда птичка слетела вниз, а все двадцать рабочих стали приподнимать жернов и покрикивать: «У-у-ух, у-ух, ухнем! ух!»

А птичка только продела голову в отверстие жернова, вздела его на шею, как воротник, и вместе с ним взлетела на дерево и запела:

Меня мачеха убила,

Мой отец меня же съел.

Моя милая сестричка

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала

И под деревцем сложила.

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

А пропев свою песенку, она расправила крылышки и, держа в когтях правой лапки цепочку, в когтях левой — пару красных башмаков, а на шее — жернов, полетела вдаль, к дому отца своего.

В доме за столом сидели отец, дочка и мачеха, и отец говорил им: «Что это значит, что у меня сегодня так легко, так весело на сердце?» — «Нет, — сказала мачеха, — мне что-то страшно, словно бы гроза большая надвигается». А дочка сидела и все плакала да плакала.

Тут как раз прилетела птичка и села на крышу. «Ах, — сказал отец, — мне так весело, и солнце так прекрасно светит, и на душе у меня так хорошо, как будто мне предстоит увидеться со старым знакомцем». — «Нет, — сказала жена, — страшно мне, страшно, так что зуб на зуб навести не могу, а жилах у меня словно огонь».

Дочка же тем временем села в угол и стала плакать еще пуще, и прикрывала глаза руками, и ладони рук ее были совсем мокры.

Птичка между тем уселась на дерево среди двора и стала петь:

Меня мачеха убила...

Мачеха, услышав это, заткнула уши и зажмурила глаза, не желая ничего ни видеть, ни слышать, но в ушах ее все же был шум, как от сильнейшей бури, а глаза жгло, и в них словно молния блистала.

Птичка продолжала петь:

Мой отец меня же съел...

«Ах, матушка, — сказал отец, — там сидит такая славная птица и поет так прекрасно, да и солнышко так светит и греет, и благоухает тмином».

Птичка продолжала:

Моя милая сестричка...

Сестричка, как услышала это, уткнула лицо в колени и стала плакать навзрыд, а отец, напротив того, сказал: «Я выйду, посмотрю на птичку вблизи». — «Ах, не ходи, не ходи! — сказала жена. — Мне кажется, что весь дом наш в пламени».

Но муж ее не послушался, вышел из дома и взглянул на птичку, которая продолжала свою песню:

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала

И под деревцем сложила.

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

И, закончив песенку, птичка сбросила сверху золотую цепь прямо на шею отцу, и цепь пришлась как раз в меру.

Тогда он вернулся домой и сказал: «Посмотри, какая это чудесная птица, подарила мне прекрасную золотую цепь, да и сама-то на вид такая красивая». Жена же все попрежнему бегала в ужасе по всему дому и места не могла себе найти.

А птица опять завела ту же песню:

Меня мачеха убила...

«Ах, если бы я хоть в самой преисподней теперь была!

Лишь бы не слышать мне этой песни!» — проговорила мачеха в отчаянии.

Мой отец меня же съел...

Мачеха при этих словах в изнеможении упала на пол.

Моя милая сестричка...

«Ах, — сказала сестричка, — я тоже выйду и посмотрю, не подарит ли и мне чего-нибудь птичка». И она вышла из дома.

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала...

Тут сбросила она сестричке сверху красные башмачки.

И под деревцем сложила!

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Тогда и у сестрички на сердце стало легко и весело. Она надела новые красные башмачки и стала в них плясать и прыгать. «Ах, — сказала она, — я была так грустна, когда выходила из дому; а теперь мне так легко и хорошо! И что за славная птичка — ведь она подарила мне пару красных башмаков!» — «Нет! — сказала ее мать и вскочила с места в ужасе, и волосы поднялись у нее дыбом на голове. — Мне кажется, что светопреставление наступило! Не могу вытерпеть: я тоже выйду из дома — быть может, и мне станет легче!»

Но чуть только она выступила за двери — тррах! Птичка скинула ей мельничий жернов на голову и раздавила им мачеху насмерть.

Отец и сестричка услышали этот шум и выскочили из дома: из того места, где жернов упал, повалил клубами дым, потом показался огонь, вспыхнуло пламя, а когда все это закончилось, они увидели перед собою маленького братца, который взял отца и сестричку за руки, и все трое были счастливы и довольны настолько, что вошли в дом, сели за стол и принялись кушать.